

Н. А. КАРЛИК,

доцент кафедры гуманитарных и социальных наук
Института управления и экономики, кандидат филологических наук

СУБКУЛЬТУРНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ЛИТЕРАТУРЕ И ФОЛЬКЛОРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Образ жизни восточных славян до их крещения регламентировался единым общим стилем: жизнь представителей разных сословий сильно не различалась. С конца X века в недрах единой культуры начинается вызревание сразу нескольких стилей, отличающихся друг от друга. Каждый из них ориентирован на определенную социокультурную группу. После принятия христианства сформировались различные ценностно-нормативные установки у князей и бояр, с одной стороны, и у народа — с другой. Церковь в русском культурном пространстве также заняла особое место и создала свой стиль, в значительной степени повлиявший на два вышеназванных. Культурный стилиевой диалог был характерен далеко не для всех периодов средневековья. Историческое развитие русского общества демонстрирует различные варианты соотношения стилей: от жесткого противостояния до полного слияния в соответствии с идеей всеобщей соборности и всеединства.

Носителем идеи и воплощения стиля всех названных субкультур является человек. «Человек посредством стиля репрезентует мир, сам становясь при этом культурным знаком»². Образ человека, воплощенный в произведениях искусства, созданных представителями различных субкультур, раскрывает специфику их отношения к миру. Идеальный герой и его реальное воплощение в одинаковой степени важны для осознания характерных черт конкретной культуры. Поэтому стилиевую систему отечественного средневековья целесообразно рассматривать через призму культурного медиатора ее «составляющих» —

культурного героя, через которого происходит самоидентификация субъектов различных субкультур.

Идеальный тип, на который ориентировалось каждое из названных образований внутри единой культуры восточных славян, представляет собой особый субкультурный феномен. Специфика его заключается в том, что он в каждый определенный период развития общества представлял наиболее важные для разных групп населения черты, модернизируясь в зависимости от изменений в их духовных и материальных устремлениях. С этим идеальным героем представители каждой из субкультур соотносили и тех, кто находился внутри их культурного слоя, и тех, кто остался снаружи. Особенно хорошо демонстрируют, как это происходило, образы реальных исторических деятелей, созданные в произведениях разных субкультур. Сравнивая их, мы получаем достаточно противоречивое представление о характере деятельности этих лиц. Там, где положение этих героев в обществе совпадает с тем, которое занимают представители субкультуры, изображающие их, реальные черты этих героев идеализируются: недостатки практически не упоминаются, а достоинства гиперболизируются. Если же для автора произведения они являются «чужими», то он, сравнивая их с господствующим в этой субкультуре типом идеального героя, во-первых, подчеркивает их отличие от этого типа; во-вторых, анализирует, насколько соответствуют их реальные черты представлениям об идеальном типе этой «чужой» субкультуры, которые господствуют в их собственной.

После принятия христианства на Руси представители православия стали активно участвовать в создании идеальных образов

¹ Вагнер Г. К. Тысячелетние корни. М., 1991. С. 81.

² Иванов Вяч. Манера, лицо, стиль // Труды и дни. 1912. № 4.

князей и бояр, которые, правда, скорее противоречили реальности, а не вытекали из нее. Для православной субкультуры правящая верхушка Киевской Руси была «чужой», тем не менее о том, какими должны и какими не должны быть люди, в нее входившие, авторы произведений религиозного направления писали достаточно много. Князя в силу своего социального статуса не могли претендовать на роль главных в этой субкультуре, у них на первом месте были другие, светские интересы. Но те из них, кто был наиболее близок ее главным героям — мученикам и подвижникам, приобретали в православных текстах ореол святости, лишаясь при этом своего исторического имени и переходя из исторического измерения в другое, где их государственные деяния не имели особого значения.

Такой ореол получил, например, князь Владимир, крестивший Русь, правда, не столько за личное соответствие христианским идеалам, сколько за то, что он приобщил к «благодати» православной веры восточных славян. Владимир особо идеализировался в литературе, написанной православными авторами, близкими князю и его окружению. В произведениях, о которых идет речь, Владимир также прославляется как историческое лицо — за то, что заменил язычество христианством, что имело большое государственное значение. В летописях Владимир изображен, прежде всего, как мудрый политик и государственный деятель. Когда он пытается вести себя по законам православной субкультуры, его, как показывает летописец, покидает мудрость, обязательный атрибут идеального правителя — медиатора княжеской субкультуры. Он перестает казнить злодеев и врагов отечества, боясь греха, что приводит к беспорядкам в самом Киеве и его окрестностях. Епископам и старцам пришлось объяснить князю, пытающемуся играть не свою роль, что власть ему дана Богом для того, чтобы вершить справедливый суд и тем самым обеспечивать спокойствие в государстве. В дальнейшем в летописях «правильное поведение» князей-христиан получает, прежде всего, внешнюю маркировку. Такие атрибуты, как соблюдение православных ритуалов, посещение церкви, ношение креста, могут быть названы среди наиболее распространенных в художественной литературе внешних знаков нормального поведения правителя. Все, что не отвечало кодифицированным нормам, ратценивалось как «неправильное поведение».

Что же касается Владимира, то тут необходимо отметить, что уже при жизни этого князя в культурный оборот вошло достаточно много текстов, посвященных его деяниям, сохранившихся как декларации симпатии к князю,

так и проявления вражды. В древнерусский период сложились целостные биографические мифы, которые концептуализировались в культуре. В дальнейшем писатели, историки, культурологи имели дело не столько с биографической фигурой Владимира, сколько с фигурой концептуально-мифологической. Преданиям, легендам, разного рода фольклорным источникам нередко отдается решительное предпочтение перед фактами. Виртуальный, потенциальный момент входит в исследования и определяет чувства симпатии и антипатии к Великому князю.

Православным авторам, которых Владимир и его наследники достаточно ощутимо, хотя и не бескорыстно, поддерживали, приходилось, в свою очередь, способствовать обожествлению княжеской власти. Так, например, при Ярославе Мудром будущий митрополит Иларион в «Слове о законе и благодати» доказывает необходимость признать Владимира святым. Как и в первых летописных рассказах, в «Слове» утверждается мысль, что история Руси повторяет историю других великих держав: «божественная благодать» снизошла на нее так же, как некогда на Рим и Византию. Из этого следует особое отношение и к Владимиру — «равноапостольному» князю, крестившему Русь. Чтобы обосновать идею независимости Руси, Иларион готов поставить Владимира на одну ступень с Константином, обьявившим христианство государственной религией Византии. Идея равенства Руси в отношениях с Византией определяет идеализированный образ князя в «Слове...» и сближает церковную проповедь с теми страницами летописи, которые работают на создание представления о Владимире как о князе Великом.

Иной представляется литература, непосредственно связанная с православной церковью, с монашескими идеалами, хотя и в ней также встречаются не только изображения князей, идеализированные в соответствии с православными морально-этическими требованиями, но и образы реальных князей, черты которых далеко не идеальны. В агиографии представлены как произведения, целиком посвященные «теме идеального христианского героя, ушедшего из «мирской жизни», чтобы подвигами заслужить жизнь «вечную» (после смерти)», так и жития, в которых герои «стремятся обосновать своим поведением не только общехристианский, но и феодальный идеал»¹. В последних реальные черты преобладают над идеальными. Образцом жития та-

¹ Адрианова-Перетц В. П. Сюжетное повествование в житийных памятниках XI–XIII вв. // Истоки русской беллетристики. Л., 1970.

кого типа является «Сказание» о Борисе и Глебе, написанное на сюжет мученической кончины первых русских святых. Создание церковного культа Бориса и Глеба преследовало две цели. С одной стороны, их канонизация поднимала церковный авторитет Руси, удостоившейся своих «святых угодников», подтверждала, что Русь «почтена пред богом». С другой стороны, культ Бориса и Глеба утверждал и «освящал» важную государственную идею, согласно которой все русские князья — братья, то есть имел и политический смысл. Подчеркнем, что идеальный образ князя здесь дан не только через утверждение, но и через отрицание. Причем не только Святополк Окаянный оказывается противопоставлен князьям-мученикам, но и их отец Василий (это имя было дано в святом крещении Владимиру). В этом житии хотя и решаются государственные проблемы (утверждаются права старшего в роде князя, осуждаются княжеские междоусобицы), при этом традиционный для князя образ жизни осуждается. Идея суетности жизни князей и бессмысленности их деяний выражена Борисом. Интересно, что речь идет как раз о многом, что в других произведениях древнерусской литературы, меньше связанных с церковью, не только не осуждается, но даже приветствуется. «Если пойду в дом отца моего, — раздумывал Борис, — то как бы не склонили люди меня на то, чтобы прогнать мне брата моего, как делал и отец мой до святого крещения ради славы и княжения, а это все переходяще и хуже паутины... Что приобрели братья отца моего или отец мой? Где их жизнь и слава мира сего, багряница и пиры, серебро и золото, вина и меды, добрая пища и быстрые кони, и дома красивые и большие, и богатство большое, и дани и почести бесчисленные и похвальба среди бояр своих. Уже всего этого как будто и не было никогда, вместе с ними исчезло»¹.

В других произведениях «религиозной» субкультуры изображены князья, которые являлись еще большими грешниками, чем святой Владимир, осуждаемый своим сыном Борисом. Особенно часто от канонических требований в сторону реалистических деталей и живых черт характеров отступают авторы рассказов «Киево-Печерского патерика». Киевские князья и бояре в них не окружены ореолом христианского благочестия: они, в отличие от князей, которые просто любили хорошо поесть и весело провести время, одержимы гордостью и сребролюбием до такой

степени, что даже не останавливаются перед убийством монахов.

В устных народных преданиях и былинах созданы образы князей, отличные от тех, которые рассмотрены выше. Эти отличия особо видны в описаниях слов и поступков князя Владимира, который и в произведениях устного народного творчества часто был героем (хотя и не главным).

Главными героями в народной субкультуре являются богатыри, которым князь проигрывает и в смелости, и в благородстве. Так, например, во всех вариантах былины «Добрыня Никитич и Василий Каземирович» трусливой и нерешительной политике Владимира, посылающего татарскому князю «дани-выходы» (факт исторического смещения здесь несущественен, так как речь идет об обобщенном образе князя), противостоят богатыри, демонстрирующие врагам свое культурное и военное превосходство. Не только в стрельбе из лука и в борьбе оказывается сильнее Добрыня; он побеждает и в интеллектуальном состязании, выигрывая у царя Бутеяна Бутеяновича в шахматы. Пока Добрыня находится в отъезде и совершает свои подвиги, его жена выходит замуж за Алешу Поповича. Подчеркнем, что во многих былинах, посвященных этой свадьбе, сватом является именно Владимир. В некоторых версиях антикняжеская трактовка особо подчеркивается тем фактом, что князь составляет для матери Добрыни письмо о смерти сына, о чем сообщает богатырю его вещей конь:

«Солнышко Владимир князь письмо-то ведь составил, // Представил честной вдовы Офимье Олександровны: // — Добрынюшка во чистом поле лежит, головушка отсечена»².

Коварство князя Владимира в других вариантах былин заменяется открытым произволом власти, не нуждающейся в обходных путях для достижения своих целей. Так, например, в былине «Добрыня и Василий Каземирович» Настасья Микулична идет за Алешу Поповича, боясь князя Владимира, приказавшего «кто Владимира вспомнит, так убить-повесити»³.

Владимир выглядит недостойно даже в сравнении с теми богатырями, которые не славились особой силой и отвагой, например, с Алешей Поповичем. Названный богатырь далеко не во всем соответствует представлениям народа об идеальном герое: он далеко не так смел, как другие богатыри, иногда берет хитростью, не вступая в открытый бой

¹ Сказание о страстях и похвала святым мученикам Борису и Глебу // Хрестоматия по древнерусской литературе. М., 1974.

² Добрыня и Алеша // Добрыня Никитич и Алеша Попович. М., 1974.

³ Добрыня и Василий Каземирович // Добрыня Никитич и Алеша Попович. М., 1974.

с врагами, любит похвалиться своей силой и поглумиться над противником. Но в тех былинах, где он оказывается рядом с Владимиром, начинают проступать не столько его отрицательные, сколько положительные черты. «Высокий моральный облик»¹ этого богатыря проявляется в его оценке поведения князя Владимира и княгини, а также в борьбе с Тугарином, в которой, как отмечал В. Г. Белинский, он выступает против «холодного цинического разврата»². Во многих вариантах былины об Алеше Владимир выступает в роли рогоносца, трусливо потворствующего Тугарину. Алеша, не желая видеть унижение князя, смело указывает ему, как отвратителен его гость и как жалок он сам в попытках не видеть, что происходит у него на глазах: «И говорил втапору Алеша Попович млад: // “Гой еси ты, ласковый сударь Владимир-князь! // Что у тебя за болван пришел, // Что за дурак неотесаной? // Нечестно у князя за столом сидит, // Ко княгине он, собака, руки в пазуху кладет, // Целует во уста сахарные, // Тебя, князю, насмехается!”»³.

Произведения, написанные о князьях представителями народной и религиозной субкультур, демонстрируют «взгляд со стороны», понимание государственных нужд людьми, не обремененными властью, специфическое представление об идеальном князе, способном решить все государственные проблемы, при этом соответствуя требованиям, предъявляемым к нему народом и церковью.

В княжеской субкультуре также сформировались и идеальные «образы себя», и идеальные образы представителей других субкультурных областей. Так, например, благочестие, богобоязненность, чувство греховности (и другие элементы монашеского идеала) князя пытались ввести в повседневный быт крестьян. При этом их собственные идеалы и реальная практика лишь в незначительной степени были определены религией. То малое сообщество, которое они представляли, прежде всего было ориентировано, особенно в домонгольский период, на борьбу с врагами и укрепление собственной власти, что не особо соотносилось с требованиями христианской этики.

И для Владимира, и для других политических деятелей религия была скорее средством, нежели целью. Они прежде всего стремились к укреплению основ своего государства и не являлись примером христианского поведения для своих подданных. Многие из них

любили роскошь, любили развеселые пиры. Идеал аскетизма не был ориентиром в их повседневном быте. Особое положение князей в обществе определило их мораль и поведенческие формы. «Для князей был выработан и официально закреплен особый набор качеств, необходимых для успешного правления. Этот набор включал в себя: достоинство воина (сила, мужество, храбрость, смелость), достоинства государственного деятеля (мудрость, острота ума, дальновидность)⁴. Восточные славяне предпочитали наглядные примеры обожествлению абстракций, поэтому конкретные черты первых правителей внесли существенный вклад в формирование идеального образа князя. Князь как культурный герой воплощал не столько идеал святости, сколько идеал богатырской удали и молодечества. Благочестие в княжеской субкультуре меньше ценилось, чем военный опыт и дипломатический талант.

В молодой древнерусской литературе в первые два столетия с момента ее рождения активно утверждался образ князя-воина. Причем в описываемых событиях князь не играл ту этическую роль, которая станет для него основной с XIII века. Идея наступления, углубления в чужую землю вполне разделяется первыми русскими православными авторами. И в русской Начальной летописи XI века, и в отразившемся в ней историческом фольклоре героизировались, в основном, далекие походы русских князей за пределы Русской земли — походы Олега, Игоря, Святослава, отмечались многочисленные походы причисленного к лику святых Владимира Святославовича. Моральная сторона завоевательных войн в первые века русской литературы не обращает на себя внимания, а потому моральная правота князей, участвовавших в них, не подвергается сомнениям. Как только христианские идеи с внешнего уровня переходят на внутренний, внедряются в сознание русских авторов (или когда писать начинают люди, сознательно исповедовавшие православие), в летописях и воинских повестях описания завоевательных войн сменяются описаниями войн оборонительных. Д. С. Лихачев отмечал, что этот переход от одного типа героического к другому произошел в конце XII — начале XIII века. Именно в это время «все значительнейшие воинские повести посвящены оборонительным сражениям в пределах Русской земли и вырабатывается нравственный кодекс войны»⁵. Отмеченные

⁴ Бабаева А. В. Формы поведения в русской культуре (IX–XIX века). СПб., 2001.

⁵ Лихачев Д. С. Лев Толстой и традиции древней русской литературы // Лихачев Д. С. Литература — реальность — литература: Статьи. Л., 1984.

¹ Проп В. Я. Русский героический эпос. М., 1958.

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 5.

³ Алеша Попович // Добрыня Никитич и Алеша Попович. М., 1974.

инновационные тенденции затрагивали существовавшие образы человека, прежде всего образы князей.

Отметим, что такие изменения имели место и в других субкультурах. В них также под влиянием конкретных исторических условий трансформировались каноны идеальной модели. В княжеской субкультуре XIII–XIV вв. становится главным образ православного князя-защитника. В произведениях народной культуры, посвященных нашествию на Русь

татаро-монгол, также уточняются черты идеального героя. Героизм нового типа определяется не столько наличием физической силы, сколько ее применением против вездесущих эпических врагов русского народа. Даже в религиозной литературе появился новый жанр — княжеское житие, позволяющий показать героический характер. Для периода татаро-монгольского ига характерно большее сходство субкультурных медиаторов, чем для предыдущего.